

КОММУНИКАТИВНЫЕ РИСКИ В АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ*

В. И. Ивченко

*Белорусский государственный университет,
ул. Кальварийская, 9, 220004, г. Минск, Республика Беларусь,
diskurs03@mail.ru*

Рассматриваются вопросы информационной безопасности на фоне все большего нарастания коммуникативных рисков, особенностей медиапроизводства видеоконтента как информационно-коммуникационного продукта и результата процесса коммодификации медиасодержания телепередачи «Понятная политика». Обращается внимание на совокупность целей для создания эффективного текста через призму наррации и грамматической иллокутивности публицистического произведения.

Ключевые слова: аудиовизуальное пространство; рискогенные зоны; инфобросы; коммуникативные риски; идеологические клише.

COMMUNICATION RISKS IN THE AUDIOVISUAL SPACE: INFORMATION SECURITY AND THE CHALLENGES OF MODERNITY

V. I. Ivchenkov

*Belarusian State University,
9, Kalvariyskaya Str., 220004, Minsk, Republic of Belarus
Corresponding author: V. I. Ivchenkov (diskurs03@mail.ru)*

The issues of information security are considered against the background of an increasing increase in communication risks, the features of the media production of video content as an information and communication product and the result of the process of commodifying the media content of the TV show «Clear Politics». Attention is drawn to the set of goals for creating an effective text through the prism of narration and grammatical illocution of a journalistic work.

Key words: audiovisual space; risk zones; informational throws; communication risks; ideological cliches.

Глобальная информатизация общественной жизни привела к тому, что социальные сети и электронные способы общения становятся оружием для информационных атак – от банального хулиганства или личных оскорблений до разжигания межнациональной розни или геополитической клеветы в масштабах страны.

В современной медиакommunikации обнаруживаются рискогенные зоны, онтологическим признаком которых являются интерактивность и диалогичность. Новая функция ее – функция презентации и самопрезентации – приводит к трансформации социумных моделей поведения в сторону агрессивной саморекламы и подавления другого мнения.

Цели инициаторов сетевых инфовбросов – вложить в сознание доверчивых пользователей свои идеи. Как правило, они скрывают личность и истинные задачи, в отдельных случаях прикрываясь продвижением благородных идей или примеривая на себя образ политических страдальцев.

Современный медиамир полон идеологических клише, хотя не всегда готов признаться в этом. Прорастание номинаций в идеологическом поле и приобретение ими устойчивости в употреблении связано с обострившейся политической ситуацией и порицанием комфортабельной политкорректности, за маской которой ранее скрывался имплицитный вояж.

Современная война до событий 11 сентября 2001 года и оккупации Ирака не имела наименования открытого насилия и военных действий. Но она была объявлена человеку на уровне дискурсивных стратегий давно, когда непосредственно включилась в подсознательное, интуитивное, речемыслительное. Влияние таких войн на психику человека весьма разрушительное, так как скрыто за реальным восприятием. Они (стратегии) ведут к незаметному господству одних социальных или этнических групп над другими, не имеющими доступа и контроля над информационными потоками, и приводят к войнам открытым, объяснением и прикрытием которых является постепенная «точечная» подготовка.

Социальные медиа и мессенджеры стали мощным инструментом влияния на политические взгляды. Ныне многое решается твитом или постом. Перед нами реальность, которая несет ряд угроз: медийная информация становится кодифицированной, мысли путаными, фразы двузначными. Общество на рубеже XX и XXI века как будто брошено в затяжное противоборство, а именно – в состояние сетцентричной войны. Суть ее ведения известна. Она включает в себя информационное преимущество, что достигается опережающим уничтожением центров информационной обработки и

узлов управления. Навязчивая вербальная агрессия постепенно транспонируется в физическую.

Время социальных потрясений, балансирующих на грани военных конфликтов, наглядно представлено «цветными революциями». Их множество, и названия для них как будто призывают к соучастию по шкале пейоративности – мелиоративности, подменяя средство констатации факта его оценкой (гвоздик, роз, пурпурной, тюльпановой, кедров, васильковой, шафрановой, сиреневой, жасминовой, лотоса, хризантем, любви и др.).

Политкорректность «сломалась» в 2020–2022 гг., когда в Беларуси и Казахстане произошли вооруженные столкновения, которые не имели «пейоративного» названия, а номинировались как обычные протесты со всеми вытекающими последствиями – жертвами и разрушениями.

Имплицитная война проявила свой облик в эксплицитной. Она стала неотъемлемой частью существования человека, когда формируется «военное» сознание поколения. Тогда наступает время, в котором не нужно прятаться за словами-прикрытиями. Приходят политики, открестившиеся от политкорректности... Неявно о социальное-речевое действие превращается в явно-военное. Масштабность и высокая проницаемость коммуникативных индексов в перцептивную жизнь приводит к отступлению от гуманистических позиций в пользу антигуманизма, открытой агрессии, демонстрации силы, диктата и террора.

Перед нами так называемое «политическое письмо», задача которого, по мнению Р. Барта, «в один прием соединить реальность фактов с идеальностью целей. Вот почему всякая власть, или хотя бы видимость власти, всегда вырабатывает аксиологическое письмо, где дистанция, обычно отделяющая факт от его значимости – ценности, уничтожается в пределах самого слова, которое одновременно становится и средством констатации факта, и его оценкой. Слово превращается в алиби (т. е. в свидетельство об отсутствии на месте преступления, в оправдательный акт)» [1, с. 315]. И далее ученый поясняет: «языковое алиби есть одновременно и средство устрашения, и средство проясления» [1, с. 315].

Понятия «идеологическое клише» и «социальная стигматизация» семантически близки, но не однородны. Это обнаруживается прежде всего через отношение их к стереотипам как инструментам перцепции, фильтрации, интерпретации медиасобытия в процессе познания, основанного на социальной памяти. Так, словосочетание «вашингтонский обком» формировалось в российской политике в качестве стигмы (социального ярлыка) в 2000-х, когда куль-

тивировалось суждение, «что Россия – не суверенная страна, а отчасти или полностью управляется внешними силами, осуществляющими своего рода надгосударственную власть. При этом может считаться, что центр этой надгосударственной власти находится в США («в Вашингтоне») и управляет не только Россией, но и всем постсоветским пространством» (<https://cyclowiki.org/wiki>); «Кто тогда мог предположить, что за реформами в России стоял «вашингтонский обком»?» (12.11.2015; <https://lenta.ru/articles/2015/11/12/rutskoy/>).

В данном случае дело имеем с трансформацией социальной стигмы с иронически презрительной коннотацией в 2000-е в идеологическое клише с другим семантическим наполнением в наше время: «Можно не сомневаться, что Вашингтонский обком, то бишь сенат и палата представителей конгресса США, одобряют эту точку зрения конгрессменов и не утвердят кандидатуру Владимира Владимировича для избрания на пост Президента Российской Федерации в 2024 году»; «Воистину конгресс вообразил себя таким Вашингтонским обкомом, издающим указивки по районам, кого избирать председателями сельсоветов и какому колхозу сколько гектаров и какой культурой засеять весной 2024 года» (23.11.2021; <https://russiancouncil.ru/blogs/vpryahin/vashingtonskiy-obkom-ne-utverdil/>); «Единство лидеров Казахстана, ... с Москвой не нравится лондонскому и вашингтонскому обкому» (05.01.2022; <https://lenta.ru/news/2022/01/05/revlcion/>) и др.

Бифуркационной точкой семантической переориентации стали рассогласование истинной и виртуальной социальной идентичности при переходе системы общественных отношений в иную фазу развития, целенаправленное применений риторической концепции вычеркивания оппонента из медийного поля (исключение участника речевой ситуации из диалога); стигматизация по принадлежности к русским; редупликация одного и того же семантического компонента типа «Путин во всем виноват», ведущая к редупликации смысла, функциональной целью которой является внушить определенную идею, мысль, даже если «информационные шумы» препятствуют успешности акта коммуникации.

Предостерегающе звучат слова А. Г. Лукашенко, сказанные 20 сентября 2022 года: «Сейчас идет война прежде всего в сфере информационной безопасности. И здесь подключены должны быть все – от журналиста до Президента. Информационная война – это очень опасно в современном мире» (<http://www.ctv.by/lukashenko-seychas-idet-voyna-prezhde-vsego-v-sfere-informacionnoy-bezopasnosti>).

► Реализация функций телепередачи:

- коммуникативная (налаживание контакта),
- идеологическая (формирование общественного мнения, ценностей, идей),
- культуроформирующая (внедрение ценностей),
- рекреативная.

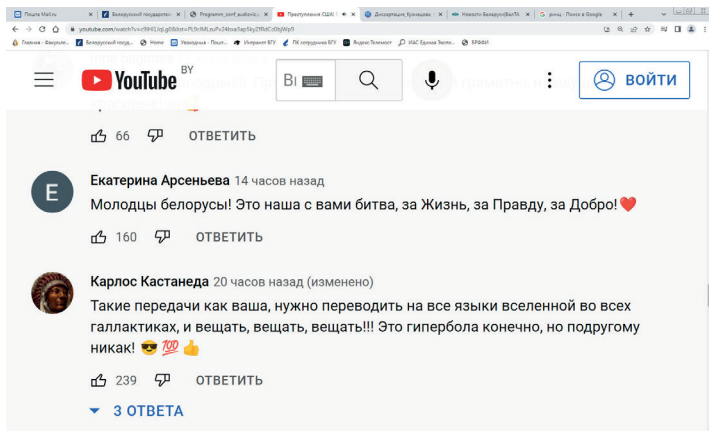
► Текстовые доминанты телепередачи:

- политическая история,
- текущая политическая ситуация,
- политическое прогнозирование.

► Особенности коммуникативной манеры:

- не ограничивается задачей на удовлетворение нейтрального запроса информации по теме, а выполняет компенсаторную и рекреативную функции;
- ставит целью не столько выработку единой точки зрения на обсуждаемую проблему, сколько реализует возможность включения участников в ситуацию, способствует открытому обсуждению проблемы;
- позволяет в процессе обсуждения дать оценку предмета, выявить причинно-следственные связи, осуществить поиск решения обсуждаемой темы.

Субъект-субъектный характер телепередачи хорошо оттеняют комментарии пользователей, которых тысячи. Их мнения в целом могут совпадать или не совпадать с мнением авторов, но эмотивная составляющая, встроенная в концепцию программы, мастерски воплощенное «коммуникативное пробуждение», основанное на локутивно-иллокутивном целеполагании, явно свидетельствует о достижении перлокутивного эффекта журналистами. Выразительной иллюстрацией сказанного могут служить следующие мнения:

Социальную заостренность и коммуникативную цельность отражают заголовки передачи, в которых убедительно представлена эмотивная составляющая, строящаяся на грамматической иллокутивности через условия успешности (цель говорящего – побудить адресата сказать ответ): «Кто и как раскачивал Беларусь? Вся правда про НКО: бюджет, руководство, структура» (17 янв. 2022 г.); оформленная именительным представлением: «Шок Европы! Экономия, дефицит, должники, космические тарифы, насекомые вместо мяса» (22 авг. 2022 г.); наррации: «Как Запад демонизирует Беларусь: штрафы за инакомыслие, репрессии, преследования» (1 авг. 2022 г.); «Предательство и война компроматов: кто вместо Джонсона? Грозит ли Британии распад?» (18 июл. 2022 г.); «Фейки ради наживы: эти люди обманывали весь мир! Портреты западных СМИ и лгунов» (8 авг. 2022 г.) и др.

Белорусская тележурналистика приобретает новые узнаваемые черты, пополняется новыми авторами, становится убедительной и динамичной, быстро реагирующей на социальные потрясения и природные катаклизмы, смело конкурирует с другими информационно-коммуникационными платформами. И выигрывает...

*Исследование выполнено в рамках гранта БРФФИ Г21МС-005 «Коммуникативные риски в медиaprостранстве: информационная безопасность и современные вызовы».

Библиографические ссылки

1. *Барт Р.* Нулевая степень письма // Семиотика. М., 1983. С. 306–349.